

ЛАПШИН Аркадий Олегович — кандидат исторических наук, главный редактор журнала «Власть», член президиума Академии политической науки (117218, Россия, г. Москва, ул. Кржижановского, 24/35, корп. 5; ark2050@yandex.ru)

ЕЩЕ РАЗ О ВЛАСТИ

Аннотация. В статье главный редактор журнала «Власть» рецензирует новую монографию профессора А.Г. Чернышова «Власть как “вечный” двигатель», в которой представлен анализ феномена власти и различные аспекты ее реализации в современном российском обществе. Оценивая крайне положительно указанную монографию, автор перемоделирует фокус исследования власти в сторону ее культурологического понимания, ставит в связи с этим ряд новых вопросов, связанных с осмыслением легитимации власти, доверия к ней в условиях сетеинформационного общества. Автор также останавливается на проблеме интеллектуального романтизма, который противопоставляется цинизму политтехнологического подхода к власти.

Ключевые слова: власть, государственные институты, Россия, глобализация, легитимность власти, доверие, коррупция

О власти написано не просто много, или очень много, а бесконечно много. И тем не менее к рассмотрению этого феномена обращаются вновь и вновь. Почему? Вряд ли есть другое такое явление, с которым прямо или косвенно сталкиваются практически все, даже люди, ушедшие от привычного всем нам мира куда-нибудь в скит или тайгу. Вряд ли есть другое такое явление, которое сохраняет сущностную субстанцию и одновременно в результате движения истории или под воздействием научно-технического прогресса меняет свои формы, оболочки или иную атрибутику.

В XXI в. мощное влияние на характеристики власти оказывает информационно-сетевая революция и все, что с ней связано. Попытки поместить ее в прокрустово ложе экономико-технологических процессов в виде товаров и услуг или измерить посредством бизнес-инструментов только искажают картину происходящего. Именно сейчас открываются новые возможности и одновременно вызовы и риски как для самой власти, государственных институтов, так и для общества.

Книга известного российского политолога, доктора политических наук профессора Алексея Геннадиевича Чернышова посвящена исследованию власти. Интеллектуальный фокус книги — политическая власть: власть в ее современном виде вообще и, разумеется, особенности российской власти в частности. Подкупает стремление автора проанализировать власть через «системное осмысление данного понятия с учетом разных точек зрения и подходов, с пониманием специфики переломного момента [Чернышов 2018: 3]. В своих заметках я не буду использовать схему академического варианта рецензии. Постараюсь выделить наиболее интересные и, возможно, спорные суждения профессора А.Г. Чернышова. Книга, безусловно, заслуживает внимания широкой аудитории, а не только специалистов. Автору удалось просто и одновременно эмоционально написать о специфике функционирования российской власти последних десятилетий — это большой плюс монографии. Именно поэтому можно и нужно спорить с автором, что я и постараюсь в дальнейшем сделать. Но надо отдать должное: книга написана с глубоко профессиональным и личным отношением к особенностям российского общества и нашей политической системы. Автор предлагает свои рецепты решения возникающих проблем, связанных с функционированием власти в нашем отечестве. Можно считать, что часть из них носит абстрактно-утопический характер и вряд ли реализуема в обозримой перспективе. Но лично мне интеллектуальный романтизм ближе, чем политтехнологи-

ческий цинизм или ерничанье по поводу российской матрицы и ее исторического несоответствия новейшим модернизационным процессам.

О понятиях

Два слова об определении понятия «власть». Один из новейших учебников по политологии под редакцией известного ученого, доктора философских наук, заслуженного деятеля науки РФ, профессора В.С. Комаровского дает следующее определение власти: «Можно, таким образом, рассматривать власть как отношения подчинения. Соответственно, политическую власть можно определить как отношение подчинения в политике» [Комаровский и др. 2016: 5]. В рецензируемой монографии А.Г. Чернышов пишет: «...в классических определениях власть – это право и возможность подчинять кого-нибудь, что-нибудь своей воле. Проявить власть. Подчиниться чьей-нибудь власти. Быть во власти кого-нибудь. И еще. Власть – это политическое господство, государственное управление и органы его» [Чернышов 2018: 5-6].

Мне кажется, логичнее и историчнее разделять власть как определенный тип общественных отношений и институты власти, которые уже входят в определение понятия государства. Последнее со всей своей атрибутикой появилось позже и только оформило уже существующие властные отношения.

Приведу свое определение власти, которое ближе к культурологическому фокусу ее понимания. По-видимому, власть – это базовая социокультурная субстанция человеческого социума (сообщества), обеспечивающая его воспроизводство и развитие как вида *Homo sapiens* в условиях «вечного» антропогенного неравенства людей и перманентного разрешения универсального противоречия между социальным и индивидуальным, которое разрешается через господство и подчинение одних субъектов над другими [Пелипенко 2014: 215]. Подкреплю свое видение формулировкой крупнейшего современного социолога М. Кастельса. Он пишет: «Власть является реляционной (выражающей отношение, “отношенческой” способностью) ...реляционная способность означает, что власть – это не атрибут, но отношение» [Кастельс 2016: 27]. Мне кажется очень важным уточнение, что власть – это отношение или, по выражению Кастельса, отношенческая способность, возникающая с началом собственно человеческой культуры.

О романтизме и политическом классе

Я уже говорил, что мне близок интеллектуальный романтизм профессора А. Чернышова. Он значительно лучше, чем цинизм эксперта, использующего любые средства политтехнологических практик для обслуживания чьих-то узкокорпоративных интересов, весьма далеких не только от критериев нравственности и научной порядочности, но и от интересов того или иного социума. С горечью автор пишет о том, что «Россия за более чем 25 лет реформ стала страной, где многие представители политического и бизнес-сообщества делают деньги на власти, используя полученные возможности, но при этом не рассматривают Россию как место, где можно было бы нормально жить и растить потомство, строить свое будущее. И это симптом. И это очень тяжелая болезнь» [Чернышов 2018: 36].

Неолиберальная модель экономического развития с ее претензией на абсолютную универсальность, которую мы упорно пытаемся механически применить в России, находится в настоящее время под прессом фундаментальных вызовов и противоречий. Государственно-суверенная и глобальная, экологическая и нравственная составляющие, т.е. все компоненты современного так называемого развитого общества, испытывают давление со стороны системных кризис-

ных тенденций. «Постиндустриальный капитализм не только не устраняет, но углубляет неравенство в распределении прав индивидов. Появление новых низкостатусных и малоресурсных групп обнаруживает противоречие между легитимной системой демократических прав и сужающимися возможностями восходящей мобильности, основанной на меритократии» [Жвитиашвили 2016: 118]. При анализе причин возникновения волн евроскептицизма и нового популизма нужно учитывать влияние этих групп социальной депривации. Россия тоже не находится в стороне от этих процессов, хотя они и проявляются, по понятным причинам, с меньшей интенсивностью. Как все это влияет на общество, властные отношения, государственные институты? Вывод лежит на поверхности.

В результате происходит углубление конфликтности как на общественном, так и международном уровнях. Пока идет только нарастание негатива. Почему? Для того чтобы что-то изменить, сначала нужно понять смысл происходящего. Но смысловые, объясняющие версии пока что отсутствуют. При этом велика сила инерции и исторического «наката». А. Чернышов справедливо пишет: «...нам нужно построить содержательно-смысловую систему, в которой доминирующее положение займет человек исследующий, т.е. тот, кто создает нечто до сих пор не существующее, может заглянуть за линию горизонта. <...> Для этого, с одной стороны, необходимо создать целую систему центров гражданских инициатив, интеллектуальных сообществ, где концентрировались бы все инновационные идеи и предложения граждан» [Чернышов 2018: 210]. Все это замечательно. Однако как практически это сделать в России, где удушающая сила бюрократии превращает любое живое дело в заорганизованную рутину и бессмысленность?

Состояние политического класса в России оставляет желать лучшего. Не касаясь многочисленных исторических и социальных причин данного явления, хочу привести нестареещее суждение Никколо Макиавелли: «...государь не волен выбирать народ, но волен выбирать знать, ибо его право карать и миловать, приближать или подвергать опале» [Макиавелли 1990: 30]. Как оптимизировать подготовку рати российских чиновников? Как и чему их учить, чтобы они соответствовали реалиям XXI в.? Дискуссии об этом продолжаются. А пока академик М.К. Горшков с горечью пишет, что «главным тормозом же модернизационного прорыва, снижающим его вероятность с учетом иницилируемого «сверху» характера российской модернизации, выступает государственный аппарат, точнее – коррумпированная часть этого аппарата» [Горшков 2016: 410].

Власть и коррупция

Современное западное общество потребления характеризуется, как минимум, 3 важнейшими характеристиками – планированием (проектным), управлением и манипулированием. Российское же добавило четвертую – тотальную коррупцию. А. Чернышов пишет: «...коррупцию необходимо рассматривать как систему отношений, пронизывающую структуры государства и общества» [Чернышов 2018: 53]. Власть и коррупция в России – тема громадная и по большому счету неподъемная для серьезного исследования, т.к. нет достаточной информации. Коррупция у нас не просто деятельность, связанная с нарушением закона. Она стала частью производственных, социальных, политических и любых других отношений. Механизм власти без коррупционной смазки не работает, он так устроен. Принадлежность коррупции действующей модели власти стала чем-то обыденным, регулярным и привычным. Мы уже воспитали поколения людей, которые просто не понимают, как жить без взяток и откатов. Разумеется, коррупция существовала везде и всегда, но у нас она приобрела какой-то особый статус. «Поэтому борьба с ней должна пониматься не только как борьба с конкретными коррупционерами, которые не могли бы уйти от ответственности

за содеянное. Это деятельность, направленная на формирование такой управленческой модели, в которой был бы поставлен заслон продаже своей должности и “монетизации” своего места во властной иерархии» [Чернышов 2018: 53]. Стабильность власти при сегодняшних масштабах коррупции подвергается большим рискам, ибо она подрывает основу основ любой власти — ее легитимность — и углубляет отчуждение между властью и народом. Патрон-клиентские отношения, теневой рынок, ручное управление — все это деформирует легитимацию власти, углубляет социальное неравенство в российском обществе.

Легитимация власти в условиях сетевой информации отличается от прошлых политических практик. В XXI в. посредством медийных и сетевых технологий легитимность власти может обеспечиваться формально, фактически же возникает сложная искусственная конструкция, подвижность и текучесть которой затрудняют ее научную оценку. Доверие к власти падает. Для современного общества, государственных институтов власти крайне актуальной становится проблема повышения доверия к выработке мировоззренческих смысловых конструкций. «Доверие как залог адекватности политических коммуникаций становится своеобразной “валютой”, от которой зависит функциональность власти» [Карпова 2017: 5]. Возникает парадоксальная ситуация: казалось бы, налицо обилие, необозримый поток информации, но человек просто тонет в ней, теряется и становится жертвой многочисленных фейковых новостей. Как правильно пишет А.Г. Чернышов, «в системе информационного открытого общества, в которое мы вступили, при всеобщем нарастании потока разнородной информации и знаний, мы, тем не менее, сталкиваемся с проблемой “хронического дефицита смысла” и реальности, теряющей любые отличия от заурядного муляжа» [Чернышов 2018: 97].

Как результат, возникают различные альтернативные социальные и политические течения, адаптация к которым со стороны традиционных властных структур идет крайне болезненно и конфликтно. Власть становится зависимой от сетевых отношений и технологий. А. Чернышов справедливо пишет, что «сегодня социальные сети стали политическим актором. А значит, способны бороться за власть. Или же с их помощью можно бороться за власть» [Чернышов 2018: 187].

Реакцией на всю эту гиперреальность спекулятивных образов и знаков, которые блестяще описал Жан Бодрийяр, становится массовизация такого явления, как абсентеизм. Уклонение от участия в выборах, безусловно, подрывает нормальный процесс легитимации власти. Абсентеизм свидетельствует о потере доверия к власти, о процессах отчуждения власти от граждан. Иные заключения, которые иногда можно слышать в околонуточных кругах, не просто искажают реальное понимание всех этих процессов. По существу, эти круги обслуживают часть коррумпированного политического класса.

Государство и глобализация

Безусловно, государство с его институтами и всей атрибутикой управления меняется в результате культурно-исторического и цивилизационного развития. Под влиянием процессов глобализации изменяются и характеристики государственного суверенитета. Тем не менее вектор этой трансформации не носит линейный характер. Транснациональная миросистема не только глобализируется, в ней начинают происходить совершенно иные по своему значению явления. Об этом очень убедительно пишет крупный российский исследователь К. Гаджиев: «...глобализация и информатизация, казалось бы, призванные объединить мир в единое целое, распространить по всему миру выдаваемые за универсальные ценности рыночной экономики, прав человека, свободы и демо-

кратии западных народов, на поверку оказались сопряженными с оборотной стороной, обеспечивающей тенденции и процессы локализации, фрагментации, деконструкции, стремления народов к этнонациональной, культурной, государственно-политической индивидуализации, самобытности, разнообразию, политическому плюрализму» [Гаджиев 2017: 7]. А вот как об этих процессах пишет А. Чернышов: «...в этом смысле глобальное и локальное соединились в одном флаконе, как в сообщающихся сосудах» [Чернышов 2018: 225]. Увы, коктейль глобального и локального превращается в гремучую смесь, которая стимулирует геополитические горячие конфликты и ввергает всех нас в крайне опасную информационную войну. Сегодняшние узлы противоречий не развязываются, а затягиваются все туже.

Современное общество потребления, основанное на стандартах западной либеральной идеологии, живет в долг за счет будущих поколений, которые не смогут «отблагодарить» сегодняшних потребителей. Мы, живущие сегодня, не оставляем шансов на перспективу и варианты развития идущим за нами. Не случайным важнейшим критерием модели устойчивого развития является способность человечества удовлетворять свои потребности, не подрывая при этом возможностей их удовлетворения следующими поколениями. К сожалению, на практике мы видим, что громадный массив сетесеткоммуникационных технологий тратится на механический, количественный рост потребностей и потребления. Нарастают современные арсеналы оружия, происходят бесконечные конфликты и войны разной интенсивности. «Транснациональные корпорации “дергают за ниточки” из каких-то полускрытых от широкого взора штабов, выражающих закрытые, полусектантские группы интересов. Вершат судьбы мира те, кто просчитывает собственную прибыль и решает, как и с кем ему лучше двигаться (дружить, подкупить), чтобы сохранить и приумножить свои капиталы» [Чернышов 2018: 139].

Неопределенность, масштабные риски возрастают для всех государств, для каждого из нас. Здесь общее, социальное и индивидуальное испытывают одну судьбу. Исследовать эти процессы, находить выходы из хаоса — задача науки. Церковь может утешить, но находить развязки сегодняшних узлов и формировать новые ценности и смыслы может только наука.

Власть и русская община

Известная романтизация института российских общин — давнишняя привязанность профессора Алексея Чернышова. Он пишет: «...подлинно свободное общество — это возврат к самоуправляющимся, общинным вариантам развития» [Чернышов 2018: 17]. Мне кажется, реанимация этих самоуправленческих отношений в современных условиях возможна только на базе сетесетинформационных отношений. Принципы артельности и кооперации, которые автор не без основания считает базовыми основами российской жизни, ее национальной матрицей [Чернышов 2018: 197], способны к возрождению в XXI в., но для начала нужно исследовать эти процессы. Как в современных сетях возникают кооперационные связи, кто и какие при этом ставит задачи? Какие эффекты получаются в результате различных флэшмобов и иных добровольческих акций? Здесь непаханое поле для экспертного сообщества. Попытки минимизировать тотальное огосударствление всего и вся с использованием социальных сетей весьма плодотворны. Но не следует забывать, что и власть не дремлет и пытается влиять на эти процессы.

Вместо заключения

Власть как важнейший элемент человеческой культуры, как средоточие цивили-

лизационного и социокультурного развития человека и общества — действительно ее «вечный двигатель». Могут меняться ее оболочки и институты государственности. Сама же власть, обладая собственной природой, останется важнейшей частью человеческой культуры. И политик как ее субъект может быть носителем нравственных начал и обладать этими качествами. Об этом блестяще писал Андрей Пелипенко: «Обыкновенный человек, как правило, не любит конфликтов и перемен и, не понимая, как устроен мир за пределами его социально-бытового кругозора, полагает, что законы и правила его “малого бытия” могут и должны быть перенесены и на макроуровни. Опыт истории бесчисленное множество раз нагляднейшим образом доказывал несостоятельность и абсурдность такого подхода. Но упорные попытки навязать истории трижды условные моральные нормы и вообще подходить к ней с этическими мерками — заблуждение, свойственное не только обыденному сознанию» [Пелипенко 2012: 6–7]. Целесообразность политических решений сплошь и рядом идет вразрез с нравственными ценностями политика. Этот вечный конфликт властных и нравственных начал человеческой культуры и есть тоже, если хотите, «вечный двигатель» нашей истории.

Список литературы

Гаджиев К.С. 2017. О единстве и фрагментации современного мира. — *Власть*. № 9. С. 7–18.

Горшков М.К. 2016. *Российское общество как оно есть (опыт социологической диагностики)*. В 2 т. 2-е изд., пераб. и доп. М.: Новый хронограф. Т. 1. 416 с.

Жвителишвили А.Ш. 2016. Новые социальные группы на Западе: общее и особенное. — *Власть*. № 1. С. 118–124.

Карпова А.Ю. 2017. *Информационная аномия в политической коммуникации*: автореф. дис. ... д.соц.н. М.: МГИМО (У) МИД России. 46 с.

Кастельс М. 2016. *Власть коммуникаций*. М.: ИД ВШЭ. 565 с.

Комаровский В.С. и др. 2016. *Политология: учебник для академического бакалавриата* (под ред. В.С. Комаровского). 3-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт. 344 с.

Макиавелли Н. 1990. *Государь*. М.: Планета. 80 с.

Пелипенко А.А. 2012. *Постигжение культуры*. В 2 ч. Ч. 1. *Культура и смысл*. М.: РОССПЭН. 607 с.

Пелипенко А.А. 2014. *Глобальный кризис и судьбы Запада*. М.: Знание. 220 с.

Чернышов А.Г. 2018. *Власть как «вечный» двигатель*: монография. М.: Проспект. 240 с.

LAPSHIN Arkadiy Olegovich, Cand.Sci. (Hist.), Editor-in-Chief of «Vlast'» journal, Presidium Member of the Academy of Political Science (bld. 5, 24/35 Krzhizhanovskogo St, Moscow, Russia, 117218; ark2050@yandex.ru)

ONCE MORE ABOUT POWER

Abstract. In the article, the editor-in-chief of «Vlast'» journal reviews a new monograph by professor A. Chernyshov «Power as an Eternal Engine», which presents an analysis of the phenomenon of power and various aspects of its implementation in the modern Russian society. Evaluating the mentioned monograph as extremely positive one, the author remodels the focus of the study of power towards its cultural understanding. In this connection, he puts a number of new issues related to the comprehension of the legitimization of power and trust in conditions of the network information society. The author also dwells on the problem of intellectual romanticism in contrast with the cynicism of the political technology approach to power.

Keywords: power, state institutions, Russia, globalization, power legitimacy, trust, corruption